

Зевсов венец на челе его дивном,  
Ветер играет в кудрях темно-русых  
И, трепеща, ему в руки влагает  
Чудную лиру.

Возле пришедшего бога, ликуя,  
Пляской встречают его киприады,  
Бога приветствуют брызгами пены  
Кипр и Цитера.

Легкий корабль по Эгейскому морю  
С парусом алым стремится за богом,  
А на корме корабля золотится  
Лира Алкея.

Сафо, дыша белоснежного грудью,  
Ветром наполненной встречным, в томленье  
Нежно смеется и волосы блещут,  
Темно-лиловые.

Лина, корабль остановлен, повисли  
Весла, взойди на него поскорее;  
Я ведь последний среди Эолийских  
Дивных поэтов.

Там перед нами страна золотая,  
Лина, прислушайся к вечному звону.  
И убежим мы от темного берега  
К весям забвенья.

### Джакомо Леопарди

#### К ИТАЛИИ

О родина, я вижу колоннады,  
Ворота, термы, статуи, ограды  
И башни наших дедов,

Но я не вижу славы, лавров, стали,  
Что наших древних предков отягчали.

Ты стала безоружна,  
Обнажены чело твое и стан.  
Какая бледность! Кровь! О, сколько ран!

Какой тебя я вижу,  
Прекраснейшая женщина! Ответа  
У неба, у всего прошу я света:

Скажите мне, скажите,  
Кто сделал так? Невыносимы муки  
От злых цепей, терзающих ей руки:

И вот без покрывала,  
Простоволосая, в колени пряча  
Лицо, она сидит, безмолвно плача.  
Плачь, плачь! Но побеждать  
Всегда — пускай наперекор судьбе, —  
Италия моя, дано тебе!

Двумя ключами будь твои глаза —  
Не перевесит никогда слеза

Твоих потерь, позора.  
Вокруг все те же слышатся слова:  
Была великой ты — не такова  
Теперь. О, почему?

Была ты госпожой, теперь слуга.  
Где меч, который рассекал врага?  
Где сила, доблесть, стойкость?  
Где мантий, лент златых бывшая слава?  
Чья хитрость, чьи старанья, чья держава  
Тебя лишила их?

Когда и как, ответь мне, пала ты  
Во прах с неизмеримой высоты?

И кто защитник твой?  
Ужель никто? — Я кинусь в битву сам,

Я кровь мою, я жизнь мою отдан!  
 Оружье мне, оружие!  
 О, если б сделать так судьба могла,  
 Чтоб кровь моя грудь итальянцам жгла!

Где сыновья твои? Я слышу звон  
 Оружья, голоса со всех сторон,  
 Литавры, стук повозок.  
 Италия моя, твои сыны  
 В чужих краях сражаются. То сны  
 Я вижу или явь:  
 Там пеший, конный, дым и блеск мечей,  
 Как молний блеск? Что ж трепетных очей  
 Туда не обратишь?  
 За что сражаются, взгляни в тревоге,  
 Там юноши Италии? О, боги,  
 Там за страну чужую  
 Италии клинки обнажены!  
 Несчастен тот, кто на полях войны  
 Не за отчизну пал.  
 Семейного не ради очага,  
 Но за чужой народ, от рук врага  
 Чужого; кто не скажет  
 В час смерти, обратясь к родному краю:  
 Жизнь, что ты дал, тебе я возвращаю.

Язычества блаженны времена:  
 Единой ратью мчались племена  
 За родину на смерть;  
 И вы, перевозносимые вовеки  
 Теснины фессалийские, где греки,  
 Немногие числом,  
 Но вольные, за честь своей земли  
 И персов и судьбу превозмогли.

Я думаю, что путник  
 Легко поймет невнятный разговор  
 Растений, и волны, и скал, и гор  
 О том, как этот берег  
 Был скрыт грядою гордой мертвых тел  
 Тех, кто свободы Греции хотел.  
 И прочь бежал тогда  
 За Геллеспонт Ксеркс низкий и жестокий,  
 Чтобы над ним смеялся внук далекий;  
 Но холм же, где, погибнув,  
 Они наши бессмертье, Симонид  
 Поднялся, озирая чудный вид.

Катились слезы тихие со щек,  
 Едва дышать, едва стоять он мог  
 И в руки лиру взял;  
 Кто о самом себе забыл в бою,  
 Кто за отчизну отдал кровь свою,  
 Тот счастье испытал;  
 Вы, Грецией любимы, миром чтимы,  
 Какой любовью были одержимы,  
 Какая страсть влекла  
 Вас под удары горького удела?  
 Иль радостным был час, когда вы смело  
 Шаг сделали ужасный,  
 Что беззаботно улыбались вы?  
 Иль не могильные вас ждали рвы,  
 А ложе пышных пиршеств?  
 Тьма Тартара и мертвая волна  
 Вас ждали там; ни дети, ни жена  
 Вблизи вас не стояли,  
 Когда вы пали на берегу суровом,  
 Ничьим не провожаемые словом.

Но там и Персию ждала награда  
 Ужасная. Как в середину стада  
     Кидается свирепый лев,  
 Прокусывает горло у быка,  
 Другому в кровь загривок и бока  
     Терзает — так средь персов  
 Гнев эллинов ярился и отвага.  
 Гляди, средь мертвых тел не сделать шага,  
     И всадник пал, и конь;  
 Гляди, и побежденным не пробиться  
 Чрез павшие шатры и колесницы;  
     Всех впереди бежит,  
 Растерзанный и бледный, сам тиран;  
 Гляди, как кровью, хлынувшей из ран  
     У варваров, облиты  
 Герои-эллины; но вот уж сами,  
 От ран слабее, падает рядами.  
     Живите, о, живите,  
 Блаженными вас сохранит молва,  
 Покуда живы на земле слова.

Скорее возопят из глубины  
 Морской созвездья, с неба сметены,  
     Чем минет, потускнеет,  
 О вас воспоминание. Алтарь —  
 Гробница ваша: не забыв, как встарь  
     Кровь проливали деды,  
 С детьми в молчанье матери пройдут.  
 О славные, я стираюсь тут,  
     Целую камни, землю;  
 Хвала и слава, доблестные, вам  
 Звучит по всей земле. Когда бы сам  
     Я с вами был тогда,  
 Чтоб эту землю кровь моя смягчила!

Но коль судьба враждебная решила  
     Иначе, за Элладу  
 Смежить не дозволяя веки мне  
 В последний раз на гибельной войне, —  
     То пусть по воле неба  
 Хоть слава вашего певца негромко  
 Звучит близ вашей славы для потомка!

## БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Всегда был мил мне этот холм пустынный  
 И изгородь, отнявшая у взгляда  
 Большую часть по краю горизонта.  
 Но, сидя здесь и глядя вдаль, пространства  
 Бескрайние за ними, и молчанье  
 Неведомое, и покой глубокий  
 Я представляю в мыслях; оттого  
 Почти в испуге сердце. И когда  
 Услышу ветерка в деревьях шелест,  
 Я с этим шумом сравниваю то  
 Молчанье бесконечное: и вечность,  
 И умершие года времена,  
 И нынешнее, звучное, живое,  
 Приходят мне на ум. И среди этой  
 Безмерности все мысли исчезают,  
 И сладостно тонуть мне в этом море.

## ВЕЧЕР ПРАЗДНИЧНОГО ДНЯ

Безветренная, сладостная ночь,  
 Среди садов, над кровлями, безмолвно  
 Лежит луна, из мрака вырывая  
 Вершины ближних гор. Ты спишь, подруга,  
 И все тропинки спят, и на балконах  
 Лишь изредка блеснет ночной светильник;

Ты спишь, тебя объят отрадный сон  
 В притихшем доме, не томит тебя  
 Невольная тревога; знать не знаешь,  
 Какую ты мне рану нанесла.  
 Ты спишь; а я, чтоб этим небесам,  
 На вид столь благосклонным, и могучей  
 Природе древней, мне одну лишь муку  
 Пославшей, — чтобы им привет послать,  
 Гляжу в окно. «Отказываю даже  
 Тебе в надежде я, — она сказала, —  
 Пусть лишь от слез блещут твои глаза».  
 День праздничный прошел, и от забав  
 Теперь ты отдыхаешь, вспоминая  
 Во сне о том, быть может, скольких ты  
 Пленила нынче, сколькими пленилась:  
 Но я — хоть я на то и не надеюсь —  
 Тебе являюсь в мыслях. Между тем  
 Я вопрошаю, сколько жить осталось,  
 И на землю бросаюсь с криком, с дрожью.  
 О, как ужасны дни среди цветенья  
 Такого лета! Но невдалеке  
 С дороги песенка слышна простая  
 Ремесленника, поздней ночью — после  
 Вечернего веселья в бедный домик  
 Идущего; и горечь полнит сердце  
 При мысли, что на свете все проходит,  
 Следа не оставляя. Пролетел  
 И праздник, а за праздником вослед  
 Дни будние, и все, что ни случится  
 С людьми, уносит время. Где теперь  
 Народов древних голоса? Где слава  
 Могучих наших предков? Где великий  
 Рим и победный звон его оружия,  
 Что раздавался на земле и в море.

Все неподвижно, тихо все, весь мир  
 Покоится, о них забыв и думать.  
 В дни юности моей, когда я ждал  
 Так жадно праздничного дня, — и после,  
 Когда он угасал, — без сна, печальный,  
 Я крылья опускал; и поздно ночью,  
 Когда с тропинки раздавалась песня  
 И замирала где-то вдалеке, —  
 Сжималось сердце так же, как теперь.

## СОН

Настало утро. Из прикрытых ставен  
 Сквозь сумрак темной спальни пробирались  
 С балкона солнца первые лучи;  
 В тот час, когда особенно легко  
 И сладостно смежает веки сон,  
 Приблизилась и мне в лицо взглянула  
 Тень той, которая любовь впервые  
 Внушила мне, в слезах оставив после.  
 Казалась мне не мертвой, но печальной,  
 Как все несчастные; и, на чело  
 Мне руку положив, она спросила:  
 «Ты жив? Скажи, хоть тень воспоминанья  
 О нас хранишь?» — «Откуда, — я ответил, —  
 Ты появилась, милая? О, сколько  
 Я по тебе грустил; и я не верил,  
 Что можешь ты об этом догадаться,  
 И безутешна скорбь моя была.  
 Ужель ты здесь, чтоб вновь меня покинуть?  
 Мне страшно это! Что с тобою случилось?  
 Такая ль ты, как прежде? Иль твоя  
 Душа страдает?» — «Омрачен забвеньем  
 Твой ум, его окутывает сон, —

Она сказала. — Я мертва, ты видел  
 Меня в последний раз давно». Сдавила  
 Боль страшная мне сердце, как услышал  
 Я эту речь. Она же продолжала:  
 «Угасла я во цвете лет, когда  
 Особенно желанна жизнь и сердце  
 Еще не знает, сколь надежды тщетны.  
 И слишком мало удрученный смертный  
 Прошел, чтобы стремиться к той, чья власть  
 Освободит его от всякой муки:  
 И безутешной смерть приходит к юным;  
 И участь тяжела надежды той,  
 Что гаснет под землею. Тщетно знать  
 То, что таит природа от людей,  
 Не искушенных в жизни, и гораздо  
 Сильнее, чем их несозревший разум,  
 Слепая боль», — «О милая, — сказал я, —  
 Несчастливая, молчи, терзает сердце  
 Мне эта речь. Ты, значит, умерла,  
 Моя любовь, а я, я жив, и было  
 Подсказано судьбой, что смертный пот  
 Прекрасное чело твое омоет,  
 А у меня нетронутой пребудет  
 Вот эта оболочка? Сколько раз  
 Я думал, что тебя нет больше в мире  
 И что тебя не встречу никогда,  
 Но был не в силах этому поверить.  
 Что смертью именуется? Сегодня  
 На опыте узнать бы мог я это,  
 И беззащитное чело избавить  
 От беспощадной ненависти рока.  
 Я молод, но, как старость, увядает  
 И гибнет эта юность. Жизни цвет  
 Похож на старость, что страшит меня

И все же далека еще. В слезах, —  
 Сказал я, — родились мы оба, счастье  
 Не улыбнулось нам, и небеса  
 Страданием нашим наслаждались жадно;  
 Но коль слезой ресницы увлажнились,  
 И бледность покрывала мне лицо  
 Из-за ухода твоего, и муку  
 Терплю досель, скажи мне, ты любви  
 Иль жалости к влюбленному несчастно  
 Хоть каплю выпила, когда жила?  
 Тогда влачил печально дни и ночи,  
 Да и сейчас в сомнениях напрасных  
 Рассудок гибнет. Если раз хотя бы  
 Боль за меня тебе сдавила сердце,  
 Не утай того, молю тебя,  
 Мне будет легче примириться с мыслью,  
 Что будущее отнято у нас».  
 Она в ответ: «Несчастный, ободрись,  
 Скупой на жалость не была тогда я,  
 Да и теперь ее не прячу — я  
 Сама была несчастна. Не рыдай  
 Над этой бедной девушкой отныне».  
 «Во имя всех несчастий и любви,  
 Терзающей меня, — воскликнул я, —  
 Во имя нашей юности и тщетных  
 Надежд позволь, о милая моя,  
 Твоей руки коснуться». И она  
 Печально, нежно протянула руку.  
 Я целовал ее и от блаженства  
 Томительного трепетал, к груди  
 Я, задыхаясь, прижимал ее.  
 Лицо мое покрылось потом, голос  
 Пресекался, день померк в моих глазах.  
 Тогда она, так ласково взглянув

В лицо мое, сказала мне: «О милый,  
Ты забываешь, что красы своей  
Лишилась я; и ты горишь любовью  
Напрасно, друг несчастный, и трепещешь.  
Теперь прощай! Отныне в разлученье  
Пребудут наши души и тела,  
Несчастные навеки. Для меня  
Ты не живешь и больше жить не будешь;  
Рок разорвал твои былые клятвы».  
Тогда, от муки застонав, в слезах  
Рыданий безутешных, ото сна  
Освободился я. Но все в очах  
Она стояла, и в луче неверном  
Казалось мне, что видел я ее.

#### НОЧНАЯ ПЕСНЬ ПАСТУХА, КОЧУЮЩЕГО В АЗИИ

Что делаешь на небе ты, Луна?  
Безмолвная, ответь.  
Восходишь вечером, бредешь одна,  
Пустыни созерцая, — и заходишь.  
Ужель ты не пресытилась опять  
Извечною тропой  
Идти и вновь долины узнавать  
Все те же под собой?  
Не так ли пастуха  
Жизнь тянется, как эта?  
Встает он с первым проблеском рассвета,  
Скотину гонит, видит  
Стада, ключи и травы;  
Потом, устав, во тьме смыкает вежды,  
И ни на что другое нет надежды.  
Ужели не гнетет

Жизнь эта пастуха,  
А жизнь твоя — тебя? Куда стремится  
Путь краткий мой и твой извечный ход?  
Старик седой и слабый,  
Босой, полуодетый,  
С вязанкой дров тяжелой за спиной,  
Под ветром, под дождем, в полдневный зной,  
По кручам, по долинам,  
По камню, по песку, через кусты,  
По ледящему покрову снега,  
Бежит и задыхается от бега;  
Пересекает и поток, и топь;  
Упав, встает; спешит все больше, больше,  
Не смея отдохнуть;  
В крови, изранен; наконец приходит.  
Сюда его вели  
Дорога и страданья:  
Огромный, страшный перед ним обрыв.  
Он низвергается, все в миг забыв.  
Гляди, Луна невиннейшая, вот  
Как смертный человек внизу живет.  
В мученьях он рождается,  
В самом рожденье — сразу смерть таится.  
Боль и страданье — первое, что он  
Испытывает. С самого начала  
Отец и мать его хотят утешить  
В том, что родился он;  
Потом он вырастает —  
Они его лелеют; и потом  
Словами и делами много лет  
Приятное ему стремятся сделать,  
Смысл бытия открыв, утешив этим:  
По отношению к детям  
Любовней долга нет.

Но для чего тогда рождать на свет  
И для чего поддерживать жизнь в том,  
Кто просит утешенья?  
Коль жизнь людей несет несчастье им,  
Зачем ее мы длим?  
Светило целомудренное, вот  
Как человек живет;  
Но не из смертных ты,  
И речь моя вотще к тебе плывет.

Но, странница извечная, одна,  
Задумчивая, ты, быть может, знаешь, —  
Что есть земная жизнь,  
Страданье наше, наши воздыханья;  
И что есть смерть — что означает бледность  
Последняя в лице,  
И гибель всей земли, исчезновение  
Привычного, возлюбленного круга.  
Конечно, понимаешь  
Ты суть вещей и что земле несет  
Закат или восход,  
Бег времени безмолвный, бесконечный.  
И знаешь ты, какой своей любви  
Весна улыбку дарит;  
Кто зноя ждет и для кого зима —  
Что темная тюрьма.  
Тебе открыты тысячи вещей,  
От пастуха простого скрытых тайной.  
Порой, когда гляжу я на тебя,  
Как ты безмолвно светишь на равнину,  
У горизонта слившуюся с небом,  
Или бредешь со стадом,  
Как я, дорогой длинной;  
Когда гляжу, как небосвод обилен

Созвездьями, я мыслю:  
Зачем такое множество светилен?  
И беспредельность воздуха? и глубь  
И ясность неба без конца? что значит  
Огромная пустыня? что я сам?  
Так рассуждаю про себя: о зданье  
Безмерном, горделивом,  
И о семье бесчисленной; потом  
О стольких муках, о движеньях стольких  
И на земле и в небе всяких тел —  
Вращенью их отыщется ль предел?  
Откуда двинулись — туда вернулись;  
Разгадки не добиться,  
Что пользы в том и где плоды. Но ты,  
Ты знаешь все, бессмертная юница.  
Мне ж смысл один лишь ведом,  
Что сей круговорот,  
Что бренное мое существованье  
Других, быть может, к благу и победам,  
Меня же — лишь к несчастью приведет.

Ты счастливо, о дремлющее стадо,  
Скрыт от тебя твой жалкий жребий. Как  
Завидую тебе я!  
Не потому лишь, что тебе не надо  
Страдать; что все лишенья,  
Страх, тяготы ты тотчас забываешь;  
Но потому, что скуки отвращенья  
К бегущим дням не знаешь никогда.  
Ты на траве в тени —  
Спокойно и доволью;  
И большую часть года,  
Не зная скуки, так проводишь ты.  
Я ж на траву сажусь, укрытый тенью,

Но дух мой предается отвращенью,  
 Как бы ужален шпорой;  
 И мечется душа моя, которой  
 Покоя нет и места не найти.  
 А я ведь не желаю ничего,  
 И не было еще причин для слез.  
 Ты счастливо. Ответить на вопрос:  
 Чем счастливо и как? — мне не дано.  
 Я ж мало наслаждений знал еще,  
 О стадо, но не только это больно.  
 Когда б могло ты говорить, то я  
 Спросил бы лишь одно:  
 Скажи мне, почему  
 В благополучной праздности — довольство  
 Находят все наперечет,  
 А я — лишь отвращение и гнет.

Вот если б я в заоблачный полет  
 На крыльях мог умчаться,  
 Чтоб бездна звезд мне вся была видна,  
 Чтоб я, как гром, бродил в горах — я был бы  
 Счастливее, о сладостное стадо,  
 Счастливей, о безгрешная Луна!  
 Иль, может быть, не прав, когда гляжу я  
 На чью-то жизнь чужую;  
 Все так ли будет иль наоборот,  
 Родившимся — несчастья груз сполна  
 Их первый день несет.

#### ПОКОЙ ПОСЛЕ БУРИ

Вот миновала буря:  
 Я слышу, как ликут птицы; снова  
 Выходит курица во дворик, повторяя  
 Стишок свой. И небес

Голубизна над той горой на юге  
 Растет; все очищается в округе,  
 И светлой кажется река в долине.  
 В сердцах опять веселье; там и тут  
 Шум слышен снова; все  
 Взялись за прежний труд.  
 Ремесленник с работою в руках  
 У двери появляется — взглянуть  
 На небо; погода  
 Выходит женщина с ведром к потоку  
 Недавнего дождя.  
 Торговец травами — переходя  
 С тропинки на соседнюю — опять,  
 Как прежде, принимается кричать.  
 Вернувшегося солнца луч принес  
 Холмам улыбку и усадьбам. Окна  
 И двери можно в доме распахнуть:  
 Я издали услышал  
 Звон бубенцов с дороги, скрип колес  
 Повозки, что опять пустилась в путь.

В сердцах веселье вновь.  
 В какое из мгновений  
 Бывает жизнь отрадней, вдохновенней?  
 Когда еще такая же любовь  
 К трудам своим людьми овладевает?  
 Толкает к новым? К прежним возвращает?  
 Когда еще их беды не тревожат?  
 Дитя болезни — радость;  
 Веселье тщетное —  
 Плод страха миновавшего, когда  
 Смерть угрожала тем,  
 Кому ужасна жизнь;  
 Когда, безмерно мучим,

Оборван, бледен, рем,  
Перед препятствием могучим  
Людской сдавался род  
На милость молниям, ветрам и тучам.

О благосклонная природа, вот  
Дары и наслажденья,  
Что ты готовишь смертным.  
Нам наслажденье нынче —  
Преодолеть мученье;  
Ты щедро сеешь муки, а страданье  
Само восходит. Радость,  
Из ужаса родившаяся чудом, —  
Уже большая прибыль. Род людской,  
Любезный тем, для коих смерти нет!  
Ты счастлив даже лишку  
Средь горя; и блажен,  
Коль смерть тебя от всех врачует бед.

## СУББОТА В ДЕРЕВНЕ

Охапку трав на плечи взгромоздив,  
Проходит девочка в лучах заката,  
И несколько фиалок и гвоздик  
В ее руке зажато,  
Чтоб завтра, в праздник, в поясе их спрятать,  
И в волосы воткнуть,  
И грудь украсить, по обыкновенью.  
Ступень одолевая за ступенью,  
Старушка с прялкой ветхою своей  
Спешит к соседкам, что уселись кругом,  
Порассказать о лучших временах,  
Когда она на праздник наряжалась  
И шла плясать к подругам

Под вечер, в те прекраснейшие годы  
Над старостью смеясь и над недугом.  
Уже просторы воздуха темны,  
Вновь небо сине, вновь ложатся тени  
От кровель и холмов  
Под бледным светом молодой луны.  
И вот уже звенят —  
И наступает праздник.  
Как будто с этим звуком —  
Вновь в сердце сил излишек.  
Веселый шум и гам  
Несет гурьба мальчишек,  
Мелькая тут и там  
На площади селенья.  
Меж тем, насвистывая, земледелец —  
В мечтах о наступленьи  
Дня отдыха — за скудный стол садится.  
Когда ж погаснут все огни вокруг  
И смолкнет всякий звук,  
Услышу я, как трудится столяр,  
Он что-то пилит, молотком стучит,  
Усердствует; он запер мастерскую  
И засветил фонарь,  
Чтоб кончить все к рассвету.  
Вот этот день, желаннейший в седмице, —  
Больших надежд и радостных причуд;  
С собою: завтра принесут  
Часы тоски и грусть; и в мыслях каждый  
К работе повседневной возвратится.  
Неугомонный мальчик,  
В своем цветенье юном  
С днем, радости исполненным, ты схож,  
Блестящим, чистым сплошь,  
Грядущей жизни праздничным кануном.

Им наслаждайся нынче, мой проказник:  
 Ты чудом опьянен.  
 Теперь — молчок; пусть (хоть и медлит он)  
 Тебе не будет в тягость этот праздник.

## НЕОТВЯЗНАЯ МЫСЛЬ

Властительница сладостная дум,  
 До глубины пленявшая мой ум;  
 Ужасный дар небес,  
 Но милый мне; подруга  
 Моих унылых дней —  
 Все та же мысль — я неразлучен с ней.

Кто не сказал о тайной  
 Твоей природе? Власти  
 Ее кто не узнал?  
 Но, всякий раз в плену у этой страсти,  
 О ней вещает нам людской язык —  
 И ново то, к чему давно привык.

Ты дух мой посетила,  
 Когда пришел твой срок, —  
 И стал он одинок!  
 Как блеском молний, мыслями другими  
 Лишь миг бываешь ты освещена;  
 Стоишь огромной башней  
 Ты над пустынной пашней —  
 Моей души — одна.

Чем стали без тебя  
 Земные все дела  
 И вся земная жизнь в моих глазах!

Знакомцев праздный круг —  
 Лишь повод для досады.  
 Мне больше не мила  
 Тщета надежд на тщетные улады,  
 Коль их сравнить с той радостью небесной,  
 Что ты мне принесла!

Как от скалистых гор  
 Угрюмых Апеннин  
 К улыбкам вдалеке полей зеленых  
 Сейчас же странник обращает взор,  
 Так быстро я от света  
 Жестокого, сухого,  
 Как в плодоносный сад, к тебе иду,  
 Чтоб чувства расцветали в том саду.

Мне кажется почти невероятным,  
 Что без тебя я нес  
 Несчастной жизни, злого мира бремя  
 Столь долгое, столь тягостное время;  
 И не могу понять,  
 Как жил другим желаньем,  
 Несвойственным тебе, другим дыханьем.

С тех пор как я впервые  
 На опыте узнал, что значит жизнь,  
 Страх смерти грудь мою не сжал ни разу,  
 И то мне ныне кажется игрой,  
 Что славит неразумный мир порой,  
 Чего всегда трепещет и боится —  
 Последняя граница;  
 И коль опасность вижу я, в упор  
 Смеющийся в нее вперяю взор.

Я трусов презирал  
И низкие отверженные души  
Всегда. Теперь же тотчас уязвляет  
Мне чувства каждый недостойный шаг,  
И тотчас подлости людской пример  
В негодование душу повергает.

Надменный этот век,  
Который насыщается тщетой,  
Враждебный доблести, болтун пустой,  
Который пользы ищет, неразумный  
(А что все больше бесполезна жизнь,

Того не видит он),  
Меня он ниже, знаю. И смешон  
Мне суд людей; и всяческую чернь,  
Которая в незнание презирать  
Тебя готова, я готов поправить.

И разве первенства другие чувства  
Тебе не отдают?  
И разве вообще другому чувству  
Средь смертных есть приют?  
Гордыня, алчность, ненависть, презрение,  
И честолюбье, и стремление к власти —

Лишь суетные страсти  
В сравнении с тобой. Лишь ты живешь  
В сердцах. Лишь ты  
Властителем пришло к нам непреклонным —  
Назначено от вечности законом.

Оно дарует жизни смысл и ценность,  
И человек с ним ко всему готов;  
Единственное оправдание року,  
Который на земле из всех плодов  
Нам лишь страданье выбрал.

Того не знают низкие сердца,  
Что лишь из-за него  
Порой бывает жизнь милей конца.

Чтоб радости твои узнать, о мысль,  
Достойная цена —  
Изведать человеческие муки  
И испытать сполна  
Жизнь смертную; и вновь бы я вернулся  
Постигшим беды все,  
Точь-в-точь таким, как ныне,  
Чтоб к цели вновь направиться твоей;  
Хотя в песках, средь ядовитых змей,  
Лишась последних сил,  
В скитаньях по пустыне  
Тебя я же достиг. Притом отвагу  
Свою я не хочу причислить к благу.

О, что это за новая безмерность,  
О, что это за мир, о что за рай,  
В который мощь твоих чудесных чар  
Меня возносит, кажется! Где я  
Блуждаю под иным, нездешним светом,  
Где исчезает суть моя земная,

Действительность моя!

Наверно, таковы  
Бессмертных сны. Увы, ты тоже сон,  
Явь озаряя блеском красоты,

Мысль сладостная, ты —  
Сон, явная мечта. Но существо  
Твое — иное, чем у грез пустых,  
В нем скрыто божество,  
И потому жива ты и сильна,  
И потому при встрече с явью ты

Оказываешься упорней тверди  
 Земной; ты ей равна,  
 Ты пропадаешь лишь на ложе смерти.

О мысль моя, конечно,  
 Ты оживляешь дни мои одна,  
 Любовь моя, ты страхи мне несешь;  
 В единый миг простимся мы со светом:  
 Я узнаю по явственным приметам,  
 Что ты мне в повелители дана.  
 Какую-нибудь сладостную ложь  
 Мне ослабляло истины виденье.

Но чем теперь ясней  
 Ты снова мне видна,  
 Тем больше наслажденье,  
 Тем большим я безумием дышу.

О, райская краса!  
 Мне кажется, когда вокруг гляжу,  
 Что всякий лик прекрасный — словно образ  
 Обманный — подражает твоему.

Ты всяческой мечты  
 Единственный источник,  
 Единственная правда красоты.

Ужель была не ты  
 Моих забот усердных высшим смыслом  
 С тех пор, как увидал тебя впервые?

И был ли день такой,  
 Чтоб я не думал о тебе? И часто ль  
 Твой властный образ снов моих бежал?

О ангела подобье,  
 Прекрасная, как сон,  
 В людских жилищах, сумрачных и тесных,  
 Иль в безграничности путей небесных,

К чему я устремлен  
 Сильнее, чем к очам твоим? Чего  
 Хочу в твоей судьбе  
 Найти желанней мысли о тебе?

#### К СЕБЕ САМОМУ

Теперь ты умолкнешь навеки,  
 Усталое солнце. Исчез тот последний обман,  
 Что мнится мне вечным. Исчез. Я в раздумиях ясных  
 Постиг, что погасла не только  
 Надежда, но даже желанье обманов прекрасных.  
 Умолкни навеки. Довольно  
 Ты билось. Порывы твои  
 Напрасны. Земля недостойна  
 И вздоха. Вся жизнь —  
 Лишь горечь и скука. Трясина — весь мир.  
 Отныне наступит покой. Пусть тебя наполняют  
 Мученья последние. Нашему роду  
 Судьба умереть лишь дает. Презираю отныне,  
 Природа, тебя — торжество  
 Таинственных сил, что лишь гибель всему предлагают,  
 И вечную тщетность всего.

#### АСПАЗИЯ

Является мне в мыслях иногда,  
 Аспазия, твой образ. Или беглый,  
 Он предо мной сверкает в месте людном,  
 В чужом лице; или в полях пустынных  
 Днем ясным, а порой в безмолвье звездном  
 От сладостной гармонии родившись,  
 В моей душе, еще к смятенью близкой,  
 Проснется это гордое виденье.

О, как любима, боги, та, что прежде  
 Была моей отрадой и моей  
 Эринией. Мне стоит лишь вдохнуть  
 Прибрежный аромат или цветов  
 Благоуханье на дорогах сельских,  
 И снова вижу я тебя такою,  
 Как в ясный день, когда ты в дом вошла,  
 Дышавший свежестью цветов весенних.  
 В одежде цвета полевой фиалки,  
 И ангельской сияя красотой,  
 Ты предо мной предстала; ты лежала  
 Средь белизны мехов, окружена  
 Дыханьем сладострастия; горячо,  
 Прелестница искусная, малюток  
 Своих ты в губы целовала нежно,  
 Их обнимала тонкою рукой,  
 И приникали кроткие созданья,  
 Не знающие о твоих уловках,  
 К груди желанной. Чудилась иною  
 Земля, и новым — небосвод, и свет —  
 Божественным мне в мыслях. Так мне в грудь,  
 Хоть я и защищал ее, послала  
 Твоя рука стрелу с живою силой,  
 Стрелу, что я носил, стеною часто,  
 Пока два раза обновилось солнце.

Божественным мне показалась светом  
 Твоя краса, о донна. Не одно ли  
 Внушает нам волненье красота  
 И музыка, что тайну Елисейских  
 Полей нам открывают часто? Смертный —  
 Раб восхищенный дочерью души —  
 Любовною мечтою, что вмещает  
 В себя Олимп, и всем — лицом, повадкой,

Речами — женщину напоминает,  
 Которую восторженный влюбленный  
 (Как полагает он в смятенье) любит.  
 И вот уж не мечту, а только эту,  
 Земную, в упоении объятий,  
 Он любит, преклоняется пред ней.  
 Узнав же заблужденье и подмену,  
 Он гневается; и винит в обмане  
 Напрасно женщину. Небесный образ  
 Натуре женской редко лишь доступен;  
 И что за дар от красоты ее  
 Влюбленный получает благородный,  
 Ее головке не вместить. Напрасно,  
 Увидев этих взглядов блеск, мужчина  
 Надеется, напрасно ожидает  
 Любви сильнейшей, чем его любовь,  
 От женщины, что создана природой  
 Во всем слабей мужчины. Потому что  
 Коль члены у нее нежней и тоньше,  
 То не сильнее и не глубже разум.

И ты еще ни разу не могла  
 Себе представить то, что ты сама  
 Внушала мне, Аспазия. Не знаешь  
 Безмерности любви, ужасных мук,  
 Порывов несказанных, тщетных грез,  
 Тобой во мне зажженных. И вовеки  
 Не поняла б ты это. Точно так  
 Не знает музыкант, что он рукой  
 Иль голосом волшебный вызывает  
 Во внемлющих ему. Та умерла  
 Аспазия, которую любил я.  
 Не стало той, которая однажды  
 Явилась целью жизни всей. На миг

Лишь оживает, если милый призрак  
 Передо мною предстает. Не только  
 Еще красива ты, но столь красива,  
 Что, кажется мне, превосходишь всех.  
 Но жар угас, тобой рожденный, ибо  
 Любил я не тебя, а Божество,  
 Что ныне живо — иль погребено —  
 В моей душе. Его я обожал;  
 И так мне нравилась его краса,  
 Что я, хоть понял с самого начала  
 Всю суть твою, твои уловки, козни,  
 Все ж, увидав его прекрасный свет  
 В глазах твоих, шел за тобою жадно,  
 Пока оно здесь жило — не обманут,  
 Но, наслаждаясь, глубочайшим сходством,  
 В жестоком долгом рабстве пребывал.

Теперь хвались умением своим.  
 Рассказывай, что ты одна из всех,  
 Пред кем я гордой головой поник,  
 Кому я отдал добровольно сердце  
 Неукротимое. Скажи другим,  
 Что первой ты была (но и последней,  
 Надеюсь), для кого мои ресницы  
 С мольбою поднимались и пред кем  
 Я, робкий и трепещущий (сейчас  
 Я от стыда горю), себя лишенный,  
 Ловил покорно речь твою, желанья,  
 Движенья, от надменности бледнел  
 Твоей, светлел при милостивом знаке,  
 От взгляда каждого в лице менялся.  
 Но вот очарование пропало,  
 И на землю ярмо мое свалилось.  
 Вот почему я весел. Хоть и полон

Досады я, но после рабства, после  
 Всех заблуждений я, спокойный, стал  
 На сторожу рассудка и свободы.  
 Ведь если жизнь без чувств и заблуждений —  
 Ночь средь зимы беззвездная, то мне  
 За жребий человеческий довольно  
 Той мести, утешения того,  
 Что на траве лежу я, улыбаясь,  
 В недвижности и праздности, и глядя  
 На землю, и на море, и на небо.

К ДРЕВНЕМУ НАДГРОБЬЮ,  
 НА КОТОРОМ УСОПШАЯ ДЕВУШКА  
 ИЗОБРАЖЕНА УХОДЯЩЕЙ  
 В ОКРУЖЕНИИ БЛИЗКИХ

Куда идешь? Чей зов  
 Уводит вдаль тебя,  
 Прекраснейшая дева?  
 Для странствий кров отеческий одна  
 Ты вовремя ль покинула? Сюда  
 Вернешься ли? Украсишь ли досуг  
 Тех, что сейчас в слезах стоят вокруг?

Твои ресницы сухи, жесты живы,  
 Но ты грустна. Приятна ли дорога  
 Иль неприятна; мрачен ли приют,  
 К которому идешь ты, или мил —  
 Ответа не дают  
 Суровые черты.

Немилость ли небес снискала ты,  
 Любовь ли; счастлива ты иль несчастна —  
 Ни мне и никому, быть может, в мире,  
 Увы, теперь неясно.

То смерти зов; в самом рождение дня —  
Его последний миг. В гнездо свое  
Ты не вернешься. Вид  
Своих родных навеки  
Ты позабудешь. Место,  
Куда ты направляешься, — Аид.  
Там вечное пристанище найдешь ты.  
Быть может, этот жребий и не плох,  
Но всех, кто рядом, слышен скорбный вздох.

Не видеть света вовсе,  
Наверно, было б лучше. Но едва  
Дожить до дней, когда лишь расцвела  
Девичья красота  
И облика и стана,  
И то, что было далью,  
Вплотную подошло;  
В огнях надежд, задолго до того, как  
Явь бросила на светлое чело  
Тень мрачную свою, —  
Как пар, который облачком несло,  
Трепещущим у неба на краю,  
Рассеяться, едва успев возникнуть,  
Сменить на мрак могильный навсегда  
Грядущие года, —  
Быть может, разум в этом видит счастье,  
Но все же чувства жалости высокой  
И скорби — избежать не в нашей власти.

О мать, внушающая страх и слезы  
Извечно существам одушевленным,  
Ты чудом (понапрасну восхваленным)  
Считаешься, природа,  
Рождаешь ты и кормишь, чтоб убить;

Но зло — уйти до срока,  
За что на смерть ты обрекаешь тех,  
Кому неведом ни единый грех?  
Что ж мучишь безутешным  
Страданьем и тоской  
И тех, кто покидает мир до срока,  
И тех, кто будет плакать одиноко?

Куда ни обратиться, везде несчастно  
Потомство на земле!  
Тебе угодно было,  
Чтоб обманула жизнь  
Надежду юную, чтоб скорбью полны,  
Катились волны лет и чтоб защитой  
Была лишь смерть: неотвратимым знаком,  
Законом непреложным  
Поставила ее ты на пути.  
Зачем хоть цель в конце столь тяжких странствий  
Не сделала ты радостной? И то,  
Что носим мы в душе,  
В грядущее готовясь,  
То, в чем единственная наша сила  
Копилась к горьким дням,  
Ты трауром увила  
И окружила тучею ненастной,  
И более ужасной,  
Чем бури все, открыла гавань нам?  
Коль уж и то несчастье,  
Что смерти отдаешь ты  
Всех нас, кого безвинно, против воли,  
На жизнь ты обрекла, —  
То впрямь умерших доле  
Завидует оставшийся в живых,  
Чтоб видеть близких смерть. И если правда —

А я уверен в этом, —  
 Что эта жизнь — несчастье,  
 А в смерти — благодать, то кто бы мог  
 Желать, чтоб наступил последний срок  
 Для близких (как судьбой предрешено);  
 Остаться, словно тело лишено  
 Себя же самого,  
 Глядеть, как от порога  
 Уносят человека  
 Любимого, с которым много лет  
 Провел; сказать «прощай» ему, хоть нет  
 Надежды никакой  
 На встречу в этой жизни;  
 Потом покинутым и одиноким  
 Вновь спутника бывшего вспоминать  
 В привычный час, в родном краю, в отчизне?  
 Как сердцу твоему, скажи, природа,  
 Хватает сил, чтоб вырвать  
 Из рук у друга — друга,  
 Из рук у брата — брата,  
 Детей — у их отцов,  
 У любящих — любимых, сохраняя  
 Жизнь одному, когда другой угас?  
 Зачем ввергаешь неизбежно нас  
 В такое горе — пережить, любя,  
 Велишь ты смертным смертных? Но природе  
 Приятно знать о чем-нибудь другом,  
 А не о нашем благе иль невзгоде.

## ПАЛИНОДИЯ

Маркизу Джино Каппони.  
 И в воздыханье вечном нет спасенья.

Петрарка

Я заблуждался, добрый Джино; я  
 Давно и тяжко заблуждался. Жалкой  
 И суетной мне жизнь казалась, век же  
 Наш мнился мне особенно нелепым...  
 Невыносимой речь моя была  
 Ушам блаженных смертных, если можно  
 И следует звать человека смертным.  
 Но из благоухающего рая  
 Стал слышен изумленный, возмущенный  
 Смех племени иного. И они  
 Сказали, что, неловкий неудачник,  
 Неопытный в уладах, неспособный  
 К веселью, я считаю жребий свой  
 Единственный — уделом всех, что все  
 Несчастливы, точно я. И вот среди дыма  
 Сигар, хрустения бисквитов, крика  
 Разносчиков напитков и сластей,  
 Среди движущихся чашек, среди ложек  
 Мелькающих блеснул моим глазам  
 Недолговечный свет газеты. Тотчас  
 Мне стало ясно общее довольство  
 И радость жизни смертного. Я понял  
 Смысл высший и значение земных  
 Вещей, узнал, что путь людей усыпан  
 Цветами, что ничто не досаждают  
 Нам и ничто не огорчает нас  
 Здесь, на земле. Познал я также разум  
 И добродетель века моего,  
 Его науки и труды, его

Высокую ученость. Я увидел,  
Как от Марокко до стены Китайской,  
От Полюса до Нила, от Бостона  
До Гоа все державы, королевства,  
Все герцогства бегут не чуя ног  
За счастьем и уже его схватили  
За гриву дикую или за кончик  
Хвоста. Все это видя, размышляя  
И о себе, и о своей огромной  
Ошибке давней, устыдился я.

Век золотой сейчас прядут, о Джино,  
Трех парок веретена. Обещают  
Его единодушно все газеты —  
Везде, на разных языках. Любовь  
Всеобщая, железные дороги,  
Торговля, пар, холера, тиф прекрасно  
Соединят различные народы  
И климаты; никто не удивится,  
Когда сосна иль дуб вдруг источат  
Мед иль закружатся под звуки вальса.  
Так возросла, а в будущем сильней  
Мощь кубов перегонных возрастет,  
Реторт, машин, пославших вызов небу,  
Что внуки Сима, Хама и Яфета  
Уже сейчас летают так свободно  
И будут все свободнее летать.

Нет, желудей никто не будет есть,  
Коль голод не понудит; но оружие  
Не будет праздным. И земля с презреньем  
И золото и серебро отвергнет,  
Прельстившись вексельями. И, как прежде,  
Счастливое людское племя будет

Кровь ближних проливать своих: Европа  
И дальний брег Атлантики — приют  
Цивилизации последний — будет  
Являть собой кровавые поля.  
Сражений всякий раз, как роковая  
Причина — в виде перца, иль корицы,  
Иль сахарного тростника, иль вещи  
Любой другой, стать золотом способной,  
Устроит столкновение мирных толп.  
И при любом общественном устройстве  
Всегда пребудут истинная ценность  
И добродетель, вера, справедливость  
Общественным удачам чужды, вечно  
Посрамлены, побеждены пребудут —  
Уж такова природа их: всегда  
На заднем плане прятаться. А наглость,  
Посредственность, мошенничество будут  
Господствовать, всплывая на поверхность,  
Могущество и власть (сосредоточить  
Или рассеять их) — всегда во зло  
Владеющий распорядится ими,  
Любое дав тому название. Этот  
Закон первейший выведен природой  
И роком на алмазе, и его  
Своими молниями не сотрут  
Ни Вольты, ни Британия с ее  
Машинами, ни Дэви, ни наш век,  
Струящий Ганг из новых манифестов.  
Вовеки добрым людям будет плохо,  
А негодяям — хорошо; и будет  
Мир ополчаться против благородных  
Людей; вовеки клевета и зависть  
Тиранить будут истинную честь.  
И будет сильный слабыми питаться,

Голодный нищий будет у богатых  
 Слугою и работником; в любой  
 Общественной формации, везде —  
 Где полюс иль экватор — вечно будет  
 Так до поры, пока земли приюта  
 И света солнца люди не лишатся.  
 И зарождающийся золотой  
 Век должен на себе нести печать  
 Веков прошедших, потому что сотни  
 Начал враждебных, несогласий прячет  
 Сама природа общества людского,  
 И примирить их было не дано  
 Ни мощи человека, ни уму,  
 С тех пор как славный род наш появился  
 На свет; и будет перед ним так же  
 Бессильны все умы, все начинанья  
 И все газеты наших дней. А что  
 Касается важнейшего, то счастье  
 Живущих будет полным и доселе  
 Невиданным. Одежда — шерстяная  
 Иль шелковая — с каждым днем все мягче  
 И мягче будет. Сбросив мешковину,  
 Свое обветренное тело в хлопок  
 И фетр крестьяне облекут. И лучше  
 По качествам, изящнее на вид  
 Ковры и покрывала станут, стулья,  
 Столы, кровати, скамьи и диваны,  
 Своей недолговечной красотой  
 Людские радуж жилища. Кухню  
 Займет посуда небывалых форм.  
 Проезд, верней, полет, Париж — Кале,  
 Оттуда — в Лондон, Лондон — Ливерпуль  
 Так будет скоро, что нам и не представить;  
 А под широким ложем Темзы будет

Прорыт тоннель — проект бессмертный, дерзкий,  
 Волнующий умы уж столько лет.  
 Зажгутся фонари, но безопасность  
 Останется такою же, как нынче,  
 На улицах безлюдных и на главных  
 Проспектах городов больших. И эта  
 Блаженная судьба, и эта радость —  
 Дар неба поколениям грядущим.

Тот счастлив, кто, покуда я пишу,  
 Кричит в руках у бабки повивальной!  
 Они застанут долгожданный день,  
 Когда определит научный опыт, —  
 И каждая малютка с молоком  
 Кормилицы узнает это, — сколько  
 Круп, мяса, соли поглощает город  
 За месяц; сколько умерших и сколько  
 Родившихся записывает старый  
 Священник; и когда газеты, — жизнь  
 Вселенной и душа ее, источник  
 Единственный познания всех эпох, —  
 Размножившись при помощи машин  
 Мильонным тиражом, собой покроют  
 Долины, горы и простор безбрежный  
 Морей, подобно стаям журавлиным,  
 Летящим над широкими полями.

Как мальчик, мастерица со стараньем  
 Дворец и храм, и башню из листочков  
 И щепок, — завершив едва постройку,  
 Все тотчас рушит, потому что эти  
 Листочки, щепки для работы новой  
 Нужны, так и природа, доведя  
 До совершенства всякое свое,

Искусное подчас, сооруженье,  
 Вмиг начинает разрушать его;  
 Швыряя вокруг разрозненные части.  
 И тщетно было бы оберегать  
 Себя или другого от игры  
 Ужасной этой, смысл которой скрыт  
 От нас навеки; люди, изощряясь  
 На тысячи ладов, рукой умелой  
 Деянья доблестные совершают;  
 Но всяческим усилиям вопреки  
 Жестокая природа, сей ребенок  
 Непобедимый, следует капризу  
 Любому своему и разрушенье  
 Все время чередует с созиданьем.  
 И сонм разнообразных, бесконечных,  
 Мучительных недугов и несчастий  
 Над смертным тяготеет, ждущим тупо  
 Неотвратимой гибели. Внутри,  
 Снаружи злая сила разрушенья  
 Настоячиво преследует его  
 И, будучи сама неутомимой,  
 Его терзает до поры, пока  
 Не упадет он, бездыханный, наземь,  
 Сраженный матерью своей жестокой.  
 А худшие несчастья человека,  
 О благородный друг мой, — смерть и старость,  
 Которые рождаются в тот миг,  
 Когда губами нежного соска,  
 Питающего жизнь, дитя коснется,  
 Мне кажется, что это изменить  
 Век девятнадцатый (и те, что следом  
 Идут) едва ли более способен,  
 Чем век десятый иль девятый. Если  
 Возможно именем твоим назвать

Мне истину хоть иногда, — скажу,  
 Что человек несчастен был и будет  
 Во все века, и не из-за формаций  
 Общественных и установок, но  
 По непреодолимой сути жизни,  
 В согласие с мировым законом, общим  
 Земле и небу. Лучшие умы  
 Столетия моего нашли иное,  
 Почти что совершенное решение:  
 Сил не имея сделать одного  
 Счастливым, им они пренебрегли  
 И стали счастья искать для всех;  
 И, обрета его легко, они  
 Хотят из множества несчастных, злых  
 Людей — довольный и счастливый сделать  
 Народ; и это чудо, до сих пор  
 Газетой и журналом, и памфлетом  
 Не объясненное никак, приводит  
 В восторг цивилизованное стадо.  
 О, разум, о, умы, о, выше сил  
 Дар нынешнего века пронизать!  
 Какой урок познания, как обширны  
 Исследования в областях высоких  
 И в областях интимных, нашим веком  
 Разведанные для веков грядущих,  
 О Джино! С верностью какой во прах  
 Он в обожанье падает пред теми,  
 Кого вчера осмеивал, а завтра  
 Растопчет, чтоб еще чрез день собрать  
 Осколки, окурив их фимиамом!  
 Какое уваженье и доверье  
 Должно внушать единодушье чувств  
 Столетия этого, вернее года!  
 Как тщательно нам надобно следить,

Чтоб наша мысль ни в чем не отклонилась  
От моды года этого, который  
Прядет пора смениться через год!  
Какой рывок свершила наша мысль  
В самопознание, если современность  
Античности в пример готовы ставить!

Один твой друг, о досточтимый Джино,  
Маэстро опытный стихосложения,  
Знаток наук, искусства критик тонкий,  
Талант, да и мыслитель из таких,  
Что были, есть и будут, мне сказал:  
«Забудь о чувстве. Никому в наш век,  
Который интерес нашел лишь в том,  
Что обществу полезно, и который  
Лишь экономикой серьезно занят,  
До чувства нету дела. Так зачем  
Исследовать сердца свои? Не надо  
В себе самом искать для песен тему!  
Пой о заботах века своего  
И о надежде зрелой!» Наставленье,  
Столь памятное мне! Я засмеялся,  
Когда комичный чем-то голое это  
Сказал мне слово странное «надежда» —  
Похожее на звуки языка,  
Забитого в младенчестве. Сейчас  
Я возвращаюсь вспять, иду к былому  
Иным путем — согласен я с суждением,  
Что, если хочешь заслужить у века  
Хвалу и славу — не противоречь  
Ему, с ним не борись, а повинуйся,  
Занскивая: так легко и просто  
Окажешься средь звезд. И все же я,  
Стремящийся со страстью к звездам, делать

Предметом песнопений нужды века  
Не стану, — ведь о них и так все больше  
Забоятся заводы. Но сказать  
Хочу я о надежде, той надежде,  
Залог которой очевидной боги  
Уже нам даровали: новым счастьем  
Сияют губы юношей и щеки,  
Покрытые густыми волосами.  
Привет тебе, привет, о первый луч  
Грядущего во славе века. Видишь,  
Как радуются небо и земля,  
Сверкают взоры женские, летает  
По балам и пирам героев слава.  
Расти, расти для родины, о племя  
Могучее. В тени твоих бород  
Италия заблещет и Европа,  
И наконец весь мир вздохнет спокойно.  
И вы, смеясь, привет пришлите, дети,  
Родителям колючим и не бойтесь  
Слегка при этом поцарапать щеки.  
Ликуйте, милые потомки, — вам  
Заветный уготован плод — о нем  
Давно мечтали: суждено увидеть  
Вам, как повсюду воцарится радость,  
Как старость будет юности счастливей,  
Как в локоны завьется борода,  
Которая сейчас короче ногтя.